

Владимир Евгеньевич Новохатский родился в 1951 году в селе Новоселовка Воронежской области. Окончил Воронежский государственный университет. Более 50 лет работает в печати: в районной прессе, редактором газеты «Молодой коммунар», собкором «Парламентской газеты», в журнале «Подъём». Автор книги «Было у матери три сына». Лауреат ряда журналистских и литературных премий, награжден знаками «Золотое перо», «Благодарность от Земли Воронежской», «Заслуженный работник медиаотрасли Воронежской области». Живет в Воронеже.

Владимир Новохатский

КОГДА ОН УШЕЛ...

(Памяти Петра Дмитриевича Чалого)

Беда всегда обжигаете неожиданно. Вот и тогда, ровно год назад, тусклым ноябрьским днем в редакцию «Подъёма» ворвался звонок из Петропавловки, и Александр Нестругин дрогнувшим голосом едва смог проговорить: «Петро Чалый умер...» Как же отчаянно не хотелось верить этому! От первой шоковой реакции и долгое время потом, когда мысли беспомощно кружились вокруг этой жизненной несправедливости, — все равно не верилось. Ну почему он ушел?! Ведь вроде бы и не болел... Но окажется, что тяжелая болезнь, как говорят в таких случаях, давно точила Петровы силы. Просто, стиснув эту боль в себе, он не давал худой вести обрушиваться на нас, окружающих. Это мужество многого стоит и не каждому по плечу. Единственное, что я заметил: последнее время Петр Дмитриевич все реже и реже навещался в редакцию. А за июньским номером «Подъёма» с подборкой фронтовых очерков, которая дала название нынешней книге, приехал его внук. Об этих авторских экземплярах мы с Петром договаривались не раз, но визиты срывались, все что-то мешало. Теперь-то понятно — что и почему. Знать бы — самому поехать бы, обнять, поговорить... Но как часто эти наши не выраженные вовремя искренние чувства, не сказанные человеку добрые слова остаются потом только наедине с нами. И сказать их уже некому. А ведь их, наверное, тогда и Петру Дмитриевичу от нас не-

доставало. Потому что, когда он ушел, начинаешь понимать, как остро не хватает его слов сейчас.

Такой был человек. Спокойный, доброжелательный. Он никогда не впадал в истерику, как некоторые возбужденные творцы. Даже при очевидной несправедливости по отношению к нему. Просто улыбнется: «Да ладно, все образуется». Надежный, всегда готовый помочь... В «Подъёме» мы ощущали это по-особому. Помимо того, что на журнальных страницах Чалый был желанным автором, он всегда безотказно впрягался в многотрудные срочные подъемовские проекты. Так было, к примеру, недавно с увековечиванием памяти тысяч и тысяч пленных советских солдат и окрестных сельчан, погибших на строительстве железной дороги, затеянной фашистами в обход Лисок. Его материалы, кропотливо годами собранные, легли в основу книги «Дорога на крови». А все журнальные и книжные публикации побудили власти открыть памятник этим жертвам: сначала местного уровня в райцентре Каменка, затем в Острогожске — всероссийского значения.

Однако смысл работы Чалый всегда видел не в размахе, а в сути. В свои слова он переплавлял боли и радости родной земли, заботы и чаяния людей на ней живущих. Петр Дмитриевич был блестящим журналистом. Как собкора газеты «Коммуна» по югу области его знали, наверное, в самых дальних хуторках, потому что о них он рассказывал не только воронежскому краю, а нередко и всему миру. К примеру, он распутал родословные ветви семейства Чеховых сначала на ольховатской, а потом и на кантемировской земле. Для российских и зарубежных «чеховедов» — открытие мирового значения.

История и люди Слободжанщины — его журналистская планета, на орбиту которой он запустил не одну районную газету. Да как! Ольховатская районка в бытность редактора Светланы Сухановой и верхнемамонская газета во главе с Раисой Анпилоговой дважды становились лауреатами всероссийских журналистских фестивалей. 100 тематических страниц «Поле слободское» об истории и людях родной земли выпустил Чалый в местных газетах. А еще издавал интереснейший росошанский литературно-исторический альманах «Слободжанская тетрадь». Петро щедро делился с коллегами своими темами и талантами, а поскольку его журналистская строка, как правило, была результативной, то успех сопутствовал и его последователям.

Мне всегда, еще со времен нашего давнего знакомства, был интересен этот творческий полет Петра Чалого. Видно было, как журналистика вовлекла его в писательство. С неизбывным наслаждением читал его напечатанный в книге дебютный рассказ «Вишневое солнце», потом первую повесть «Косари»... С этих страниц будто повеяло полынным ароматом росошанской степи — и явились колоритные, но реальные, как с соседней улицы, герои-трудяги с неприсуданными заботами и проблемами. Я понимал это и радовался тому, что в когорту обожаемых народом писателей-«деревенщиков» пришел незаурядный литератор — к тому же, близкий знакомый и, можно сказать, мой настоящий первый журналистский наставник. Петрово наставничество вспоминалось мне потом не однажды: сначала, чего греха таить, с некоторой долей неудовлетворенности, но чем дальше по жизни — с благодарностью за то, что открыло суть и значение журналистской работы. Той, ушедшей уже советской журналистики, у которой были не только свои недостатки, но и глубинные преимущества в сравнении с нынешней. А еще эта история весьма поучительна и памятна, прежде всего, тем, что ввела в мою жизнь человека совестливого, чуткого к людям, нравственного по своей искренней душевной сути. Наверное, потому и помнится все до сих пор в мельчайших деталях.

В родную россоспанскую газету «За изобилие» я прибыл тогда после стройотряда, и тот сентябрь-72 удивил меня дважды. В первый же день практики после чудовищно раскаленного лета на Россосшь опустился тихий обложной дождик, и город затопило до самых макушек золотисто-нежное бабье лето. В редакции все меня поздравляли: начинать в дождь — хорошая примета! Жил я дома, в почти пригородной Лизиновке. Каждое утро выходил на поворот к оставке. В раннем рейсе я был редким пассажиром. Водитель бил

Петр Чалый — собкор газеты «Коммуна»

по газам, автобус шустро бежал по дороге, нырял в густой молочный туман на самое дно Скаженного яра и выныривал на макушке Белой горы прямо к восходящему солнцу. В редакции я появлялся нередко раньше уборщицы. И это мне нравилось, потому что именно тем часом, как подсказал мой куратор, наверняка можно было вызвонить в колхозных диспетчерских информшушки для газеты.

Куратором практики мне назначили Петра Дмитриевича Чалого, на вид молодого и деловитого, — заместителя редактора. Вот он-то и удивил меня даже больше, чем погодные катаклизмы:

— Володя, а план практики у тебя есть?

Плана у меня не было. Вообще-то в теории дневник практики существовал, но ни в одной редакции до того сей документ востребован не был: что написал, то твое.

— Ты все-таки составь какой-никакой план или найди университетскую брошюрку с заданиями, легче будет работать, — сказал куратор.

А пока по его подсказкам я носился по городу и району. Мне это очень нравилось. Стопка газет с моими материалами росла, и когда я получил с кафедры журналистики бланк дневника практики, оказалось, что мы с Петром Дмитриевичем установленные объемы перекрыли вдвое, за исключением, как я посчитал, одной позиции: у меня не было очерка. Имелась зарисовка о зав. фермой, но хотелось большего.

И мне несказанно повезло. Утром дозвонился в пригородный совхоз на полевой стан. «Есть новость, — ответила трубка басом. — Приезжай. Тут целая интермедия...»

В редакции никого еще не было, и я рванул в совхоз на свой страх и риск. Комбайны стояли на полевом стане из-за росы в поле. А одна машина и вовсе была на приколе со спущенными шинами. Оказалось, скаты порезали. Хмурые мужики со мной особо не разговаривали, отмахнулись — спрашивай у заместителя бригадира. Тот и расписал всю картину в красках. Ночью порезали шины. Кто-то видел у этого комбайна известную женщину-комбайнера, лидера районной жатвы. Вот она, дескать, и вывела из строя своего соперника. Ноздря в ноздю шли в соревновании. День простоя — теперь ее, такую-рассякую, не догнать...

Все мне было предельно ясно. Помчался домой. Строчил целый день, ночь прихватил. Был усталый, но довольный. Очерк на моральную тему, по строкажу на полосу, с убийственным заголовком «Порез» мне нравился. Утром явился в редакцию в счастливом предвкушении того, как взорвется моя бомба. И грянул...

неимверный скандал! Петр Дмитриевич с утра где-то задержался, и я похвастался своим очерком перед зав. сельхозотделом. Тот, прочитав, даже побелел от гнева: «Да это ж преступление! Она ж герой!..» И потащил меня к редактору.

Осторожный, как сапер, редактор, пошелестев моими листочками, положил их в стол, строго и осуждающе посмотрел на меня:

— Скажи спасибо, что этого больше никто не видел. И не увидит...

Где-то через час Петро нашел меня, раздавленного и опустошенного, у машинистки тети Ани. Положил руку на плечо:

— Володя, сейчас возьмем фотокора Ивана Девятко, поедем в Алейниково, к деду Миرونу. Сам хотел написать о Поляничко, но у тебя это получится лучше.

Чуток поплутав по Россоши, скоро мы вольно катили по отшлифованному грейдеру. Петро и Девятко всю дорогу наперебой рассказывали о необыкновенном пасечнике, который в годы войны продал в Москве мед, сдал деньги в Фонд обороны, чтобы купили для Красной Армии самолеты...

Редакционный «газик» затормозил у небольшой хатенки на сельской улице. Скрипнула калитка в палисаднике... И я обомлел: передо мною стоял... мой прадедушка Иван! Сходство было поразительное: белая бородка, стриженная ножницами, на седой голове картуз с затертым от воска козырьком, опрятный пиджак... Сказал об этом Миرونу Александровичу, спросил, не знал ли?

— Да, может, и виделись. Нас, пасечников, в Россоши часто собирали, — уклончиво ответил дедушка и повел нас за столик под грушей. — Сидайте, хлопцы. Я медком вас угощу. Летом сушь выжгла все. У людей меда мало, а меня пчела признает, не обижает...

Почти до вечера крутились мы с дедом Мироном по его подворью, огороду да пасеке. Он показал нам почетный знак, которым его наградил нарком земледелия Андреев. Квитанцию Госбанка о приеме денег. Телеграмму с благодарностью Сталина... Мы с Петром по полблокнота исписали дедовыми рассказами: «В 43-м на трудодни получил я от нашего колхоза “Гражданский свет” 23 центнера меда. Куда ж мне его столько? Подумали с председателем, решили продать для Красной Армии...» — «В Воронеже немного продал. До Москвы добрался. Чувал грошей наторговал — 307 тысяч... На три самолета хватило...» — «Почему три самолета? Так трех сынов моих немцы побили... Савелия да Ивана... И младшего Мишку...» Мирон Александрович говорил, даже не замечая, как его слезы таяли в седой щетине на щеке.

Домой ехали молча. Лишь Петр Дмитриевич сказал: «Как все это человек пережил?.. Тяжело. И писать об этом трудно. Должно отлежаться...»

И правда, вечером я пытался что-либо написать, но ничего не получалось. Перед глазами стояли то дед Мирон, то прадедушка Иван, тоже потерявший на войне двух своих сыновей, Дмитрия и Алексея, да зятя Тимофея, деда моего значит... Самого прадедушки уже не было на свете два года... В горле стоял ком. Наворачивались слезы. На листке не появилось ни строчки. Но в душе теплилась благодарность Петру за эту поездку.

Утром я сказал ему, что писать о дедушке Мироне пока не могу, и вообще практику мою можно считать закрытой. Редактору написал заявление с просьбой приобщить мой неопубликованный очерк «Порез» к напечатанным материалам, заверив рукопись печатью и подписью. Редактор с минуту недовольно рассматривал нелепое заявление, потом вдруг достал злосчастный очерк, шлепнул печатью и буркнул: «А подписывает эту писульку пусть Чалый».

Петр Дмитриевич ситуацию прокомментировал в своем стиле: усмехнулся, проговорил: «Что Бог ни делает, все к лучшему». Поверх печати написал: «Руководитель практики П.Д. Чалый», расписался и сказал:

— Учись, Володя. Станешь ты прекрасным журналистом, и я очень хотел бы,

чтобы ты пришел к нам в газету, и мы поработали бы вместе. Надо ж мне на старости лет кому-то передавать наше безнадежное дело... Шучу. А об этом очерке не жалею. Материал лихой, но публиковать его нельзя. Я эту женщину знаю, она не подлый человек. А история мутная. Вдруг все это наговор? А ты с нею даже не поговорил. Подумай, а если бы твою мать по-зряшному оговорили бы... Всегда знай цену своему слову...

Финал у этой истории оптимистичный. Мой неопубликованный очерк в университете признали лучшим материалом журналистской практики. В награду такие творения обычно размещали в факультетской газете «Наше слово». Я даже подумал: «Вот так! А меня редакционные ретрограды гнобили». И вдруг меня будто током пронзило то Петино напутствие... «Боже, что же я делаю, зачем?!» Пошел в жюри нашего конкурса, попросил свой материал и тут же порвал его. Преподаватель ошарашено смотрел на меня поверх очков:

— И что это было?

— Можно считать, переоценка ценностей. Уберите этот материал из всех списков. По личной причине...

Все предвидел мой первый куратор. У меня за плечами полвека достойной журналистской жизни. Правда, не довелось нам с ним поработать вместе. Моя дорога, помимо личных желаний, пролегла в стороне от росошанской газеты. Были и легендарный «Молодой коммунар», и собкорство в федеральной «Парламентской газете»... А Петро остался верен Россоши. Был у него случай, когда смотрелся на собкора «Комсомольской правды». Но что-то не сложилось. Три десятка лет трудился собкором областной газеты «Коммуна», не помышляя перебираться в Воронеж, хотя руководство не раз поднимало этот вопрос. Последние годы, когда я стал шеф-редактором «Подъёма», мы общались часто. Все лучшее, что Чалый написал, напечатано в журнале. В это время он отдавал предпочтение документалистике, прежде всего, военной тематике. Я читал его книги о ратниках родного села Первомайское «Земляки на войне», «Донская высота», «Когда мы были на войне»... И думал о том, как же повезло этому селу, родившему такого верного сына, летописца отечества. Кто-то сказал, что летопись, как и вся история, — это родина души. Потому, наверное, и остался Петр Дмитриевич на своей родной земле. Ведь как на свете без души прожить? И эта земля, ее люди отблагодарили его за верность, признав Почетным гражданином села Первомайское. Нашел Петро, как он говорил, кому передать свое дело. Документальные книги «Кому память, кому слава», «Поле боя, поле памяти», немало очерков в периодике он написал в творческом содружестве с Татьяной Петровной Малютиной. Это его дочь. Сейчас доктор исторических наук. Я уверен, что отцовское наследие останется в нужных и верных руках, и мы не раз еще услышим это имя на лекциях и прочитаем в публикациях о сохранении нашей не только славной, но порой и трагической истории.

Ну а давний сюжет об одном неопубликованном и другом ненаписанном очерках мы с Петром Дмитриевичем иногда при встречах вспоминали. Правда, на одну примечательную деталь я обратил внимание совсем недавно, уже без него: мой куратор при всей строгости и даже мудрости был всего на пять лет старше меня. Но уже тогда, а потом — всю жизнь, знал цену своему слову и служил ему безупречно.